

(п: е: Альповъ). Чувство Болгарина, эпического спараго Русака, и Сербца, эпического неугомоннаго Германца, распяливается между подножіемъ и макушкою гигантскихъ предметовъ, глазъ его паритъ на высоту подобно орлу, и спускается къ подножію подобно соколу, и снуетъ на душу думу высокую, глубокую. Такова природа Горца! Онъ со скуки повѣсилъ бы на спранѣ плоской, однообразной, безкарпинной! Много еще можно бы сказать, почему такая разница между Задунайцами и другими Славянскими племенами.

Даже въ порокахъ Горца есть что-то *разительное*, и эта *разительность* есть по именно, что Греки называли *героизмомъ*. Пѣсня можетъ быть Героической не отъ того собственно, что въ ней дѣло идетъ о кровопролитіи, а отъ того, что поэтической ходъ ея неожиданно поразителенъ.—Это будь сказано вообще.

Сколько ни разсуждай, а примѣры все лучше и короче объясняютъ свойство дѣла, нежели одно разсужденіе.

Прибавлю еще одну Сербскую пѣсенку, воспѣваемую въ подраженіе Болгарской. Не выступаю ея заглавія потому, что ея начало взято изъ середины великаго какого-то событія, которое продолжается и послѣ ея окончанія. Она представляетъ одно только явленіе изъ какой-то огромной *героической драмы* или *эпопеи*. Я ее назову только тогда, когда ее прочтемъ.